

У. И. Гибадатов

РОССИЙСКАЯ ПРАВОВАЯ СИСТЕМА И ВОЛОСТНЫЕ СУДЫ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ В XIX ВЕКЕ

Развитие Российской Федерации предполагает обращение и изучение различных форм модернизации правовой системы. Разрешение задачи оптимального взаимодействия государственных структур разного уровня осложняется региональными особенностями. Поэтому при проведении любой реформы необходимо принимать во внимание региональную специфику. Нельзя забывать, что в России имеется уникальный исторический опыт реформирования. Любая реформа должна состояться не только в Центре, она должна доказать свою жизнеспособность на уровне провинциальной ментальности, укорениться, приспособиться к специфике многонациональной полупатриархальной российской глубинки, где многие обычаи и традиции идут вразрез с гуманистическими европейскими принципами и парадигмами.

U. Gibadatov

RUSSIAN LEGISLATIVE SYSTEM AND DISTRICT COURTS IN SOUTH URAL IN THE 19th CENTURY

The development of the Russian Federation presumes studying different forms of legislative system modernisation. Expressive differences in socio-economic and legislative development of subdivisions of the Russian Federation have provoked a problem of the Russian state-legislation system union. Solution of the task of optimal state structures cooperation at different levels is complicated by regional peculiarities. That is why any reformation demands taking into consideration specific features of a region. One should not forget that Russia possesses unique historical experience of reformation. Any reform should be successful not only in the Centre, but it should prove its viability at a provincial mentality level, take roots and adapt to the specific feature of multinational semi-patriarchal Russian province, where the majority of customs and traditions contradict many European humane principles and paradigms.

В Российском государстве волостные суды, образцом которых послужили сельские и волостные расправы для государ-

ственных крестьян и других народов, были введены в качестве временного учреждения при изменении их правовых статусов.

Сельские суды были предметом рассмотрения и Государственного совета при обсуждении «Основных положений о преобразовании судебной части в России», где было сказано, что «мировой суд в особенности с первого раза не сможет заменить этих мелких судов...»¹.

В результате проведения в башкирском крае крестьянской (1861 г.) реформы, принятия «Положения о башкирах» (1863 г.) и после принятия Судебных уставов 20 ноября 1864 г. на территории края были сформированы две действующие правовые системы: государственная и общинная юстиция. Правовая обособленность местного населения и крестьян не была ликвидирована, напротив, обычай был официально признан источником права, а Свод законов — не соответствующим условиям крестьянской жизни. Вследствие этого множество правовых механизмов, нашедших свое выражение в гражданском законодательстве, не работало применительно к местным правоотношениям, что неизбежно приводило к конфликту между законами и неписаным правом.

Для башкирского населения Уфимской губернии от 14 мая 1863 г. императором Александром II было утверждено «Положение о башкирах», в соответствии с которым вводились новые судебные учреждения — волостные суды. Компетенция волостных судов русских крестьян и башкир была фактически равнозначной.

«Положение о башкирах», уравнив башкир с остальной крестьянской массой Российской империи, подчинило их судебной системе страны в целом.

Волостные суды забирали огромную часть подсудности, оставив приобретших личную свободу в полной зависимости от общинных устоев. В начале своей деятельности они руководствовались нормами обычного права, которое формировало народное правосознание.

Исследователь волостных судов XIX в. проф. П.А. Гильдебрандт писал, что 95% всех крестьян России разбирают свои спо-

ры в волостных судах², и к ним надо добавить существование отдельной от общих судов крестьянско-судебной системы³. Таким образом, можно констатировать наш первоначальный довод о наличии на территории России, в том числе и в Башкирии, целой системы крестьянских судов.

Особенность организации волостных судов в Башкирии связана с Положением от 14 мая 1863 г., по которому организуются волостные суды для разрешения споров башкир, мишарей, тептярей и бобылей (ст. 1.). Кроме этого, существовали волостные суды для крестьян, освобожденных от крепостной зависимости в 1861 г. Таким образом, волостные суды в Оренбургской губернии организовывались двумя нормативными правовыми актами от 1861 и 1863 гг. для разных категорий населения. По организационным принципам волостные суды 1861 и 1863 гг. во многом были идентичны, разница заключалась лишь в составе судей. В п. 93 Манифеста от 19 февраля 1861 г. отмечается, что «волостной суд избирался в количестве от 4 до 12 очередных судей»⁴, а в Положении от 14 мая 1863 г. — от 4 до 15 очередных судей⁵.

Деятельности волостных судов губернские власти придавали большое значение. Осознавая важную роль местных обычаев среди бывших крепостных крестьян, губернатор стремился использовать силу традиций в судах в целях ограничения преступности среди крестьянского населения⁶. Для изучения обычаев организовывались специальные экспедиции⁷, а также с привлечением ученых-юристов были созданы специальные общества изучения местных крестьянских традиций⁸. В целях упорядочения производства в волостных судах издаются специальные пособия для волостных судей⁹. Все эти меры принимаются для упорядочения деятельности волостных судов, созданных Манифестом от 19 февраля 1861 г.

Преданные своим обычаям народы, проживающие в Оренбургской губернии, давно являлись причиной беспокойств гу-

бернских властей и правящих кругов. Начальство довольно долго считалось с местными судами, существовавшими среди этих народностей, производящими судопроизводство на основе местных народных обычаев. Созданные Положением от 14 мая 1863 г. суды во многих местах заменили местные народные суды в связи с разрешением волостным судам использовать правовые обычаи. По этой причине изначально волостные суды пользовались большим уважением среди инородческих народов¹⁰, что способствовало развитию среди коренного населения уважения к закону. Поэтому роль волостных судов, образующих систему крестьянских судов, важна для Судебных Уставов от 20 ноября 1864 г., так как они подготовили социально-правовую основу среди крестьян (насчитывавших 30 млн человек по России) и иных народов (составлявших 20 млн человек). Касаясь места волостных судов среди судов общей юрисдикции, считаем возможным отнесение их к последним. Хотя решения волостных судов были окончательными, но при этом за сторонами сохранялось право рассмотрения дела другим судом (например, уездным судом).

Положение от 14 мая 1863 г. и Манифест от 19 февраля 1861 г. давало возможность разрешения некоторых судебных дел сельским сходам, старостам сел и старшинам волостей (ст. 31). В частности, к их «подсудности» относились следующие дела:

- удаление вредных и порочных людей;
- разделение имущества между членами семьи;
- право на разделение и решение земельных споров¹¹.

Оренбургские губернские власти придавали немалое значение удалению вредных для общества лиц. Так, по распоряжению генерал-губернатора А. П. Безака, были специально направлены служащие для осуществления контроля над исполнением решений волостных судов. В результате чего ежегодно высылались из губернии по 450 человек¹².

Некоторыми судебно-полицейскими полномочиями обладали сельские старосты и волостные (юртовые) старшины. Решения последних могли быть обжалованы в волостных судах в двухнедельный срок. На практике они рассматривались мировыми посредниками, уездным мировым съездом или губернским присутствием по крестьянским делам. Понятно, что последние государственные органы власти рассматривали не на основе обычаев, а по закону. Налицо две противоположности одной системы. Если стороны судятся в волостном суде, то решение выносится на основе обычаев¹³, далее же стороны могли обжаловать решение волостного суда у мировых посредников, которые разбирали дело по существу на основе законов. Понятно, что первое решение во многом могло противоречить второму. Отсутствие единообразной для всех судов нормативной базы уже на стадии введения грозило развалом для всей системы. Ежегодно возникали казусы¹⁴, причина которых заключалась в разнообразии нормативной базы. Но все же система крестьянских судов без изменений просуществовала до 1889 г.

За 5,5 месяцев 1863 г. для башкир, мишарей и припущенников внутренних кантонов и гражданского населения пограничных башкирских кантонов были созданы волостные суды по Положению от 14 мая 1863 г. На этой же территории в 1861 г. были созданы волостные суды для освобожденных крестьян от крепостной зависимости¹⁵.

Как уже отмечалось, «Положение о башкирах» от 14 мая 1863 г. предоставило сельским сходам, старостам села и старшинам волостей наряду с другими полномочиями и вынесение «приговоров об удалении из общества вредных и порочных членов его, временное устранение башкир от участия в сходах, разрешение семейных разделов», а также рассмотрение таких дел, как «передел земель, окончательный раздел земель на постоянные участки, выдел участков в частную собственность»¹⁶ и т. д. При этом некоторые из них ранее подлежали ком-

петенции «народных» и шариатских судов. В частности, в ст. 31 «Положения» содержится исчерпывающий перечень судебных дел, которые были отнесены к компетенции сельского схода, среди которых:

а) право вынесения приговора общества об удалении из сельского общества «вредных и порочных» башкир, а также временного устранения того или иного башкира от участия в выборах, но не более чем на три года;

б) право производства раздела имущества между членами семьи (этот вопрос ранее полностью разрешался только шариатскими судами);

в) право на переделы земель и выдел участка в частную собственность башкирских семей (ранее решался только через губернские и земские по крестьянским делам присутствия) и другие вопросы¹⁷.

Дела об удалении башкир из общества за их «вредное и порочное поведение», а также вопрос о приеме их обратно (после отбытия ими срока наказания и «исправления») сельское общество имело право разрешать только квалифицированным большинством голосов (двух третей жителей села). Приговор общества об удалении башкира из села и ссылке его в Сибирь или на военную службу в отдаленные гарнизоны окончательно утверждался генерал-губернатором по его усмотрению. От него же исходило предложение о принятии того или иного «исправившегося» башкира обратно в сельское общество.

Волостные суды представляли собой сословный выборный коллегиальный орган, состоящий из 4–15 очередных судей, избранных на годичный срок жителями той или иной волости на волостном сходе. В решении дела принимали участие не менее трех судей или членов суда. На должность волостных судей, замещаемых по выбору, не могли быть избраны лица:

- моложе 25 лет;
- приговоренные судом к телесному наказанию;
- состоявшие под следствием или судом;

- «заведомо развратного поведения»;
- лица духовного звания (священники, но не члены их семей);
- дворяне и зауряд-чины, если они не состояли в сельском обществе;
- волостные старшины и сельские старосты¹⁸.

Волостные судьи, осуществляя свою деятельность безвозмездно, освобождались от натуральных повинностей, не имели никаких льгот материального характера, однако ст. 105 «Положения о башкирах» предоставляла им такие льготы, как освобождение от телесных наказаний и за служебное отличие они могли быть награждены золотыми и серебряными медалями. Тем не менее, по словам А. С. Масалимова, «крестьяне видели в исполнении этой должности тяжелую повинность и по возможности старались от нее уклониться»¹⁹.

В круг дел, подлежащих подсудности волостных судов, входили маловажные гражданские дела по личным и имущественным спорам не свыше 100 руб. По категориям населения из подсудности волостных судов изымаются дела о проступках волостных и кантонных начальников. При этом волостные суды были не вправе назначить телесные наказания престарелым лицам, свыше 60 лет, духовным лицам, дворянам, офицерам и их детям, а также купцам²⁰.

Подсудность дел волостного суда регламентировалась Общим положением о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости и Сельским судебным уставом для государственных крестьян от 23 марта 1839 г. В Общем положении о крестьянах волостным судам было уделено всего 18 статей, заключавших в себе положения уголовного и гражданского судопроизводства для волостных судов.

Действующее законодательство распределяло подсудность исковых дел крестьян между юрисдикцией волостных судов, позже возникших в губернии мировых судей и общих судов. Разграничение подсудности между этими судами определялось ценой и предметом иска и сословием лиц, уча-

ствующих в деле. Ведомству волостных судов подлежали:

1) иски ценою до 100 руб. между крестьянами, вытекающие из обязательств или касающиеся прав на имущество как движимое, так и недвижимое в пределах крестьянского надела;

2) указанные иски ценою свыше 100 руб., иски между крестьянами и лицами других сословий, а также иски относительно прав на недвижимость вне надела – при условии, если ответчик не требовал, чтобы дело рассматривалось общими судами;

3) все иски без ограничения цены как между крестьянами, так и между крестьянами и лицами других сословий, при том условии, если стороны согласились передать их на разрешение волостного суда²¹.

Все эти иски рассматривались волостным судом и в том случае, когда одной из сторон являлось целое крестьянское общество, но иски между крестьянскими обществами рассматривались общими судами²².

Подсудность дел волостных судов, таким образом, определялась: 1) сословным началом; 2) ценою спора или тяжбы, которая не должна была превышать 100 руб.; 3) нахождением недвижимого и движимого имущества, составляющих предмет тяжбы в пределах крестьянского надела. Крестьянский надел как объект спора при общинных отношениях крестьян и групповой ответственности затрагивал интересы всего общества. При приобретении крестьянином надела в собственность дело становилось подсудным общим судам. Если цена иска превышала 100 руб. или не могла быть заранее определена при предъявлении иска, если тяжба касалась недвижимого имущества, приобретенного крестьянином в собственность вне надела, а также если в процессе участвовали лица других сословий, то по требованию одной из сторон дело подлежало рассмотрению мировых или общих судов.

Несмотря на то, что волостной суд являлся сословным судом, лица других сословий могли обратиться к нему с исками про-

тив крестьян. На практике часто создавалась ситуация, когда заезжий торговец или купец, приобретший землю в пределах волости, по собственному усмотрению мог произвести взыскание с крестьян или наказать их розгами за нарушение их прав в волостном суде. Крестьянин же для предъявления иска к указанным лицам должен был ехать в город или к мировому судье, живущему нередко за десятки верст. Такая ситуация явно не соответствовала понятию о равном для всех суде, а с развитием частного землевладения и хозяйственных отношений вела к ограничению правового статуса крестьян²³.

Принципу равенства всех перед законом не соответствовал и порядок обжалования судебных решений крестьянских судов. Если мировому судье законом предоставлялось право окончательно разрешать дела по искам до 30 руб., а иски свыше 30 руб. подлежали апелляционному обжалованию, то волостные суды разрешали окончательно исковые дела до 100 руб. Вместе с тем крестьянские дела при всей кажущейся малоценности имели большое значение для крестьянских семей²⁴.

Закон предусматривал только одну возможность рассмотрения иска, подсудного волостным судам в мировом суде, – взаимное согласие истца и ответчика. Такое согласие считалось достигнутым не только в случае письменного или словесного соглашения, но и в случае, когда на поданное прошение не последовало отвода.

Вопрос о разграничении подсудности мировых и волостных судов имел большое практическое значение. Подсудность дел волостному суду определялась ст. 101 Общего положения о крестьянах, в соответствии с которой волостному суду подсудны «маловажные проступки, совершенные крестьянами, без участия лиц других сословий и не соединенные с уголовными преступлениями». Вместе с тем содержание понятия «маловажные проступки» не было раскрыто законодателем. В примечании к ст. 102 говорилось, что, определяя меру

наказания, волостной суд «применяется» к правилам Сельского судебного устава для государственных крестьян, в котором перечислены проступки, влекущие соответствующие наказания. Однако термин «применяясь» давал большой простор судейскому усмотрению волостных судов как относительно определения меры наказания, так и толкования понятия «маловажные проступки». Такая законодательная конструкция обусловила неопределенность пределов ведения мирового судьи и волостного суда²⁵.

Из разъяснений Сената следовало, что для признания дела подсудным волостному суду требовалось наличие трех условий: 1) проступок должен быть совершен лицами, принадлежащими к крестьянскому сословию; 2) проступок должен быть совершен в пределах сельской местности; 3) проступок не должен превышать пределов подсудности волостного суда²⁶. Соответственно подсудность дела волостному суду обуславливалась наличием трех признаков: личного (персонального), территориального (местного) и родового (предметного). При отсутствии любого из этих признаков дело рассматривалось общими судами.

Подсудность дела мировому судье (после их введения) или волостному суду определялась первоначальным объемом обвинения, послужившим поводом к возбуждению уголовного дела. В случае возникновения новых обстоятельств по делу или переквалификации преступления подсудность менялась только в пользу мирового судьи, но передача дела волостному суду исключалась. В судебной практике встречались случаи, когда мировым судьям под видом разбоев и грабежей приходилось принимать к своему производству дела о кражах, самоуправстве и даже гражданские дела. Потерпевшие от преступления крестьяне умышленно в жалобах придавали преследуемому деянию признаки преступления, подсудного мировому судье, если желали, чтобы виновный был подвергнут более строгому наказанию, чем в волостном суде²⁷.

Признак определения подсудности по связи дел позволяет выделить следующие правила подсудности:

1) если подсудимый обвинялся в совершении нескольких проступков, из которых хотя бы один подсуден мировому судье, то дело рассматривалось в мировой юстиции;

2) при совершении группового преступления, если хотя бы одно лицо подсудно мировому суду, то дело передавалось мировому судье;

3) в случае совершения групповых преступлений, одно из которых подсудно мировому суду, а другие волостному, — дела обо всех преступлениях рассматривались в мировом суде²⁸.

Волостные суды рассматривали дела только по письменной или устной жалобе истца, потерпевшего или его родственников²⁹. При этом делалась краткая запись содержания дела и решения в журнале заседаний. Судебные заседания проводились открыто, в словесной форме. Перед тем как решить дело, волостной суд обязан был принять все зависящие от него меры к примирению тяжущихся сторон и по возможности завершить дело мировым соглашением. Если мировое соглашение по каким-либо причинам не могло состояться, тогда суд проводил дознание в присутствии двух свидетелей, а затем уже с учетом всех обстоятельств дела и представленных доказательств разрешал дело окончательно³⁰. При вынесении решения волостной суд руководствовался как общими нормами гражданских законов, так и нормами местных обычаев³¹ и «по совести».

По мнению Ф. А. Ишкулова, нормами местных обычаев могли руководствоваться только тогда, когда дело было спорным из-за отсутствия вещественных или письменных доказательств³². Однако из толкования Министерством юстиции решений волостных судов следует, что «волостные суды первым делом руководствуются и отдают приоритет нормам местных обычаев»³³. По этому поводу нужно сказать, что многое зависело от самих судей,

так как за ними не был установлен контроль, и закон не требовал единообразного подхода.

Важным достижением состязательного процесса при рассмотрении дел явилось его закрепление в волостных судах. Стороны были наделены одинаковыми процессуальными правами, отвод членов суда сторонами не допускался. Более того, кандидаты в судьи не имели права отказываться от избрания на должности судей, а после избрания отказываться от исполнения своих обязанностей без основательных, законом установленных причин (если ему более 60 лет, «одержим сильным недугом», бедность и т. п.). Заседания проходили не реже 1 раза в две недели: по пятницам и праздничным дням или по необходимости, чаще по решению волостного старшины³⁴. Роль старшины при осуществлении правосудия волостными судами ограничивалась внеочередным созывом суда, передачей суду обнаруженных проступков и надзор за исполнением приговоров суда. Очень важную роль играли писари — «двигатели судопроизводства», производившие записи в книге решений волостного суда. Об их роли в 1881 г. писал член Государственного Совета, сенатор М.Е. Ковалевский, что они «иногда распоряжаются волостным суде вполне самовольно, так что судьи являются покорным орудием в их руках и прикладывают свои печати к решениям, составленным писарем по собственному усмотрению или по приказанию старшины»³⁵. Башкир устраивала подобная упрощенная форма судопроизводства, но, к сожалению, не сохранились архивные данные подтверждающие этот факт.

Судьи сами выбирали меру наказания, которая могла выноситься волостными судами. К ним относились:

- общественные работы до 6 дней;
- денежный штраф до 3 руб.;
- арест в рабочих домах до 7 дней;
- наказание розгами до 20 ударов³⁶.

Нравственное состояние населения края всегда неприятно удивляло правоох-

ранительные органы губернии. Поэтому генерал-губернатор края направил в местные органы власти специальных чиновников для наблюдения над исполнением приговоров волостных судов и принятию мер по устранению разжигателей политических страстей среди населения и уголовных преступников³⁷. Вышеназванным наказаниям подверглись 452 человека, сосланных в ссылку, что, по мнению заведующего башкирским управлением, способствовало уменьшению числа преступлений в 1863—1864 гг.³⁸ Волостных судей и лиц, ранее «беспорочно» исполнявших эту должность, суд не был вправе приговаривать к телесным наказаниям. Также Положением о башкирах ограничивалось наложение наказания лицам, достигшим 60-летнего возраста, лицам женского пола, духовных лиц нехристианского исповедания и их детям, а также учителям народных школ.

Волостные старшины и старосты по Положению не имели права вмешиваться в производство волостных судов. Приговоры фиксировались в книге решений волостных и третейских судов, также указывались основные данные подсудимого, совершенный им проступок и мера наказания. Важным принципом при принятии решения являлась самостоятельность, во многом определявшаяся уровнем грамотности населения. Об этом особо отмечено в трудах Комиссии по преобразованию волостных судов, исследовавших их практическую деятельность в 15 губерниях под руководством сенатора М. Н. Любоцинского летом 1872 г., «в губерниях, где основным занятием крестьян является хлебопашество, уровень грамотности судей был низким. Волостные суды, вообще не имевшие в своем составе грамотного судьи, были не редкостью для таких губерний»³⁹. К сожалению, подобная комиссия не работала в губерниях Южного Урала, иначе автору бы удалось подчеркнуть много нового и интересного про осуществление правосудия в волостных судах Южного Урала.

Система наказаний, применяемая волостными судами, оставалась не согласованной с наказаниями, предусмотренными Уложением о наказаниях и Уставом о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Создалась ситуация, когда за однородные преступления мировые судьи и волостные суды приговаривали преступников к совершенно разным наказаниям. В случае одновременного совершения кражи двумя лицами – мещанином и крестьянином – мировой судья присуждал мещанина, укравшего, например, 55 коп., к тюремному заключению на один год, а крестьянин за кражу 29 р. 99 к. наказывался волостным судом семидневным арестом⁴⁰. Барон Н. Корф описывает случай, когда за воровство куска стекла, оцененного в 55 коп., крестьянин был приговорен к заключению в тюрьму на три месяца в самую рабочую пору, что лишало его средств к существованию на целый год⁴¹.

Интерес в научном плане представляет попытка собрать и систематизировать крестьянские обычаи. Комиссией по преобразованию волостных судов под председательством сенатора Любощинского был собран обширный и богатый материал об организации и деятельности волостных судов, изданный в шести томах⁴².

Работа комиссии показала, что волостные суды не имели самостоятельности, судьи избирались в основном из неграмотных крестьян, не знающих законов и местных обычаев. Избранные не получали жалованья, поэтому способные крестьяне уклонялись от должности, считая ее наказанием. По этой причине в волостные судьи избирались в основном старики, не способные к работам, или крестьяне «в наказание за провинность, не дошедшую до суда, но известную обществу»⁴³. Во многих местах волостной суд вообще не существовал, вместо него действовало множество «сельских общественных судилищ»: единоличный суд старосты, суд старшины, суд стариков, суд добросовестных, суд выборных, суд сельского схода и т. п. Эти суды практиче-

ски парализовали деятельность волостных судов, в них разбирались и оканчивалось большинство крестьянских дел⁴⁴. Сенатор Ковалевский в своем отчете приводит наглядный пример злоупотребления старшинами своими полномочиями и несостоятельности волостных судей некоторых местностей Уфимской губернии⁴⁵.

«Недопонимание судьями своих полномочий, – пишет А. С. Масалимов, – зачастую просто безграмотность, приводили к подчиненному положению судей от старшин и писарей»⁴⁶.

После тщательной ревизии сенатор Ковальский указывал на необходимость существенных изменений в устройстве данных судов⁴⁷, встречаются судебные решения несправедливые и пристрастные, а по поступившим жалобам можно говорить и о подкупности судей⁴⁸.

А. Минх в своих воспоминаниях «Из записок мирового посредника 1861–1866 гг.» писал: «Я не видел ничего несправедливее, как суд сходом какого-либо проступка: попадет вор – на него наденут краденую вещь, хомут, сарафан и водят по улице, бьют и бросают грязью и под конец выпускают, спив ведро водки; чаще всего наказывают одной водкой, бывает, и правый и виновный ставят магарычи; при сделках и наймах опять водка...»⁴⁹.

О деятельности волостных судов негативно отзывались многие современники. Хотя такой суд, пишет А. Леонтьев, ближе к народному быту по характеру правовых воззрений, нельзя вершить правосудие «по обычаям... не только не получившим утверждения Верховной власти, но и нигде неписанным»⁵⁰, потому что обычное право слишком несовершенно и неопределенно. Леонтьев делает вывод о необходимости изменения основных особенностей суда, таких, как запрет на участие интеллигенции, сословность и неписаное обычное право.

Такова была оценка деятельности волостных судов юристами. Крестьяне и местное население же стояли на своих позици-

ях, высказываясь за сохранение данного учреждения, «Волостной суд — свой суд, а суд мирового — чужой», — говорили они⁵¹.

Полное обнищание основной массы крестьянского населения делало обращение крестьян к мировым судьям и общим судам малодоступным⁵². Введение мировых судов в башкирском крае не решило данную проблему, так как первоначально доступная и дешевая мировой юстиции была полностью уничтожена в 1877 г. введением судебных пошлин и гербовых сборов в размерах, вдвое превышавших аналогичные сборы в общих судах⁵³.

Таким образом, возникший во второй половине XIX в. новый суд имел множество недостатков, и авторитет суда в сельском обществе был невелик. Кроме того, после буржуазных реформ второй половины XIX в., волостной суд превратился «в архаичный институт, объективно затрудняющий процесс становления и развития социальных правоотношений на селе»⁵⁴. Следующий этап деятельности волостных судов связан

с введением Судебных уставов 20 ноября 1864 г. в Уфимской губернии, где действующее законодательство распределяло подсудность судебных дел крестьян и башкир между юрисдикцией волостных судов, мировых судей и общих судов, что противоречило принципу всеобщности и равенства всех перед судом. Все это привело к тому, что одни дела разрешались согласно местным обычаям, другие дела того же свойства — на основании норм гражданского и уголовного права. Множественность судебных инстанций, неосведомленность населения о предметах и пределах их подсудности ограничивали право башкир, русских крестьян и припущенников на судебную защиту и получение юридической помощи в условиях развивающихся рыночных отношений. Тем не менее система волостных судов сыграла важную роль в подготовке к введению Судебных уставов 20 ноября 1864 г., показав возможность местному населению появления совершенно новых судов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Объяснительная записка к разделу второму проекта Устава уголовного судопроизводства // Материалы... — Т. 51. — С. 9.

² *Гильдебрант П. А.* Труды этнографическо-статистической экспедиции. — СПб., 1872. — С. 3–14; Труды комиссии по преобразованию волостных судов: В 6 т. — СПб., 1874 (далее цит.: Труды комиссии...); *Зарудный М.* Опыт исследования местного крестьянского суда // Журнал гражданского и уголовного права. — 1874. — Кн. 2. — С. 184.

³ Там же.

⁴ ПСЗ. II. Т. XXXVI. № 36657.

⁵ ПСЗ. III. Т. XL. № 42282. С. 753–776.

⁶ РГИА. Ф. 1405. Оп. 82. Д. 367. Л. 10.

⁷ Труды комиссии о волостных судах. — СПб., 1874.

⁸ Программы обществ собирания народных юридических обычаев. — СПб., 1889. — С. 40.

⁹ Пособие по волостным судам при производстве подсудных им дел / Под ред. А. В. Филипова, А. И. Зыбина. — СПб., 1865. — С. 361.

¹⁰ ЦГИА РБ. Ф. И 2. Оп. 65. Д. 12602. Л. 1–4.

¹¹ ПСЗ. II. Т. XXXVI. — № 36657. П. 51; ПСЗ. II. Т. XL. — № 42283. П. 31.

¹² ЦГИА РБ. Ф. И 2. Оп. 63. Д. 132. Л. 35.

¹³ Там же. Ф. 11. Оп. 54. Д. 558. Л. 27 об.

¹⁴ РГИА. Ф. 1405. Оп. 82. Д. 367. Л. 1–20.

¹⁵ *Давлетбаев Б. М.* Отмена крепостного права в Башкирии. — Уфа, 1975. — С. 152.

¹⁶ ПСЗ РИ. Собр. 2. Отд. 1. Т. 40. — № 42282.

¹⁷ ПСЗ II. Т. 38. Отд. 1. № 39622.

¹⁸ ПСЗ. II. Т. XL. — № 42283. Ст. ст. 17, 25, 26, 73, 133, 141.

¹⁹ *Масалимов А. С.* Реформа суда и полиции России 60–90-х годов XIX века: Дис. на соис. учен. ст. канд. юрид. наук. — Уфа, 2000. — С. 80.

- ²⁰ Там же. — Т. XXXIX. — № 40156.
- ²¹ ПСЗ РИ. Собр. 2. Отд. 1. Т. 40. — № 42282.
- ²² *Васьковский Е. В.* Учебник гражданского процесса. — М., 2003. — С. 140.
- ²³ *Мальшев К.* Курс гражданского судопроизводства. — СПб., 1879. — Т. 3. — С. 125.
- ²⁴ Труды комиссии... — С. 350.
- ²⁵ *Обнинский П.* О взаимных отношениях по предмету уголовной подсудности между ведомствами мирового судьи, волостного суда и крестьянского общественного управления // Журнал Министерства юстиции. — 1866. — Т. 30. — С. 40.
- ²⁶ Кассационное решение. — 1871. — № 1215.
- ²⁷ *Чихарев К. Я.* Столкновение подсудности по делам, подведомственным общим и волостным судам // Журнал Министерства юстиции. — 1904. — № 7. — С. 60.
- ²⁸ *Неклюдов Н.* Руководство для мировых судей: Устав уголовного судопроизводства. — СПб., 1872. — С. 168.
- ²⁹ Там же. — Т. XL. — № 42283. Раздел 2. Ст. 81.
- ³⁰ Там же. — Ст. 80.
- ³¹ ЦГИА РБ. Ф. 11. Оп. 54. Д. 558. Л. 27 об.; РГИА. Ф. 1405. Оп. 82. Д. 367. Л. 10.
- ³² *Ишкулов Ф. А.* Указ. соч. — С. 62.
- ³³ РГИА. Ф. 1405. Оп. 82. Д. 367. Л. 1–10.
- ³⁴ ПСЗ. II. Т. XL. — № 42283. Ст. ст. 34, 82, 144.
- ³⁵ *Ковалевский М. Е.* Из отчета член Государственного Совета, сенатора Ковалевского по ревизии губернии Казанской, Уфимской и Оренбургской. — СПб., 1880. — С. 101.
- ³⁶ Там же. — Ст. 80.
- ³⁷ ЦГИА РБ. Ф. И 2. Оп. 1. Д. 13017. Л. 23 об.
- ³⁸ Там же. Л. 22.
- ³⁹ *Тарабанова Т. А.* Состав волостных судов // Вестник Московского ун-та. Сер. 8. История. — 1993. — № 2. — С. 47.
- ⁴⁰ Отчет Министерства юстиции за 1867 год. — СПб., 1870. — С. 1–5.
- ⁴¹ Корф И. Мировой суд в провинции // Вестник Европы. — 1869. — Т. 5. — С. 922.
- ⁴² Труды комиссии по преобразованию волостных судов: В 6 т. — СПб., 1874 (далее цит.: Труды комиссии...); *Зарудный М.* Опыт исследования местного крестьянского суда // Журнал гражданского и уголовного права. — 1874. — Кн. 2. — С. 184.
- ⁴³ ГАСО.Ф. Ю. Оп. 1. Д. 69. Л. 28.
- ⁴⁴ *Зарудный М.* Нерешенный еще вопрос русской общественной жизни (крестьянский вопрос) // Журнал Министерства юстиции. — 1874. — Кн. 3. — С. 166.
- ⁴⁵ *Ковалевский М. Е.* Извлечение из всеподданнейшего отчета члена Государственного Совета и сенатора Ковалевского по ревизии губернии Казанской, Уфимской и Оренбургской. — СПб., 188?. — С. 102.
- ⁴⁶ *Масалимов А. С.* Указ. соч. — С. 81.
- ⁴⁷ *Ковалевский М. Е.* Извлечение из всеподданнейшего отчета члена Государственного Совета и сенатора Ковалевского по ревизии губернии Казанской, Уфимской и Оренбургской. — СПб., 188?. — С. 102.
- ⁴⁸ Там же.
- ⁴⁹ *Минх А.* Из записок мирового посредника 1861–1866 гг. — Саратов, 1911. — С. 27.
- ⁵⁰ *Леонтьев А.* Волостной суд и юридические обычаи крестьян. — СПб.: Тип. М. Меркушева, 1895. — С. 3.
- ⁵¹ *Тютрюмов И.* Об условиях применения мировыми судьями местных обычаев при разрешении гражданских дел // Русская речь. — 1881. — № 3. — С. 18.
- ⁵² Государственная дума. Созыв 3-й. Сессия 1-я: Стенографические отчеты. — Ч. 1–3. — СПб., 1908. — Столб. 1218–1223.
- ⁵³ *Боровиковский А.* Отчет судьи. — Т. 3: Дела мужичьи. — СПб., 1894. — С. 13, 9.
- ⁵⁴ *Абдрахманов А. Ф.* Государственное управление, суд и прокуратура Уфимской губернии 1865–1917 гг.: Учеб. пособие. — Уфа: РИО Баш ГУ, 2005. — С. 49.